

УДК 321.013

Трансформация иранской политической системы в контексте теории модернизации Ш. Эйзенштадта

Могилев Василий Васильевич

Аспирант,

кафедра международных отношений и мировой политики,

факультет международных отношений,

Воронежский государственный университет,

394016, Российская Федерация, Воронеж, Московский проспект, д. 88;

e-mail: vvm1989@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются процессы трансформации социально-экономической системы Ирана, происходившие во второй половине XX века. Для осмысления этих процессов автор обращается к концепциям множественности форм модернизации, получившим распространение в теориях модернизации с конца 90-х годов. Развитие теорий модернизации привело к пониманию того, что европоцентричные модели, обрекающие незападные общества на копирование опыта передовых стран в рамках «догоняющей модернизации», не вполне адекватны. Используя в качестве методологической основы концепцию Ш. Эйзенштадта, автор проводит исследование процессов модернизации иранской социально-экономической системы в XX веке, сосредотачивая основное внимание на периоде с конца Второй мировой войны до конца XX века. В статье делается вывод о том, что, несмотря на провал ускоренной модернизации по западному образцу, проводившейся в 1960-70-е годы при Шахе Пехлеви и приведшей к Исламской революции 1979 года и закреплению теократии в Иране, процессы модернизации продолжились, и их результаты

позволяют говорить о правомерности выделения особого типа модернизации с опорой на устоявшиеся религиозные и культурные традиции.

Для цитирования в научных исследованиях

Могилев В.В. Трансформация иранской политической системы в контексте теории модернизации Ш. Эйзенштадта // Теории и проблемы политических исследований. 2015. № 6. С. 27-42.

Ключевые слова

Иран, социально-экономическая модернизация, общественная трансформация, теории модернизации, концепции модернизации, Эйзенштадт, Хантингтон, Музелис.

Введение

Исследования политических режимов на Востоке тесно связаны с теориями модернизации, поскольку успехи и неудачи процессов демократизации во многом зависят от особенностей модернизационных процессов, изменяющих экономику, социальную ткань, культуру и политические системы восточных обществ. Для осмысления этих процессов особенно важны концепции множественности форм модерна, получившие распространение в теориях модернизации с конца 90-х годов. Основой для этой группы концепций стали работы Ш. Эйзенштадта. Проведя обширные сравнительные исследования, он пришел к выводу о том, что модернизацию можно оценивать как особый тип изменений экономической, политической и социальной общественных подсистем, который был характерен прежде всего для Западной Европы и Северной Америки XIX века. В дальнейшем созданные там модели развития распространились на другие государства мира, и фактически модернизация имеет множество форм.

К идее о множественности форм модернизации Ш. Эйзенштадт приходит в своей работе 1965 года «Срывы модернизации» [Эйзенштадт, 2010, 15], обращая внимание на то, что в таких государствах, как Бирма, Индонезия, Пакистан и Судан демократии были сменены авторитарными режимами различных типов. Анализируя причины срывов политической модернизации, Эйзенштадт

указывает на то, что в этих странах, несмотря на наметившиеся серьезные признаки политической и экономической модернизации, так и не сложились «устойчивые и современные институциональные системы, способные справляться с постоянно меняющимся и расширяющимся спектром общественных проблем и запросов» [Там же]. Появление выборов, партий, групп интересов, отражающих потребности нового типа экономических акторов, развитие современных систем управления не стало гарантией устойчивости новых демократий. Их крах при этом не обязательно приводит к отказу от модернизации в сфере экономики: так, в Пакистане и Судане при авторитарных режимах экономический рост продолжился и даже ускорился, хотя в Бирме и Индонезии вместе с авторитаризмом пришла экономическая стагнация. Отказ от демократии также не означал для этих стран возвращения в «традиционное» прошлое. Авторитарные элиты, даже эксплуатируя традиционные символы и установки, все же используют новые формы легитимации, немыслимые в традиционном обществе. Например, прибегают к процедуре выборов или же сочетают ее с опорой на харизму политического лидера. В неполитических сферах, например в области развития инфраструктуры, системы образования, индустриализации, модернизационные процессы, как правило, продолжаются и при авторитаризме. Интересно, что эти наблюдения Ш. Эйзенштадта можно в полной мере распространить и на Иран в период после исламской революции.

В конце концов, Эйзенштадт признает, что «крах относительно дифференцированной и осовремененной институциональной основы, замена ее более примитивными институтами или вступлением страны в порочный круг провалов и срывов, зачастую влекущий за собой институциональную стагнацию и неустойчивость» [Там же, 16], является составной частью модернизационных процессов. Интересно, что подобные явления он видит не только в незападных обществах, проводя аналогии с установлением фашистских режимов в межвоенной Европе. Объяснение Эйзенштадта можно с успехом применить и к причинам краха шахского режима. Во всех наблюдаемых им случаях причинами авторитарного поворота в модернизирующихся государствах становились «общественные неурядицы, немощная экономика и отсутствие дееспособного руководства, умеющего легитимным путем сглаживать общественные проти-

воречия, а также нарастающая, отнюдь не «традиционная» по своему размаху коррупция и вопиющая неэффективность бюрократии» [Там же].

Поскольку эти явления существовали и в других государствах, где модернизация не переживала «срывов», стоит остановиться и на том, какое сочетание факторов, по мнению Эйзенштадта, все же приводит к авторитарному повороту. Прежде всего, это «наличие значительных расхождений между запросами различных групп – партий, кланов, бюрократии, армии, регионалов – и способностью центральной власти реагировать на эти требования» [Там же, 17]. Агрегирование многообразных интересов становится невыполнимой задачей для существующего режима, пытающегося в своей политике монополизировать рычаги контроля и одновременно лавировать между интересами различных социальных групп.

При этом в процессе модернизации политический потенциал социальных групп, а именно способность артикулировать свои интересы и мобилизовывать поддержку своим требованиям, возрастает. Новые ценности, проникающие в модернизирующееся общество, обостряют актуальность политических запросов и делают их более многообразными. Если при этом институциональные механизмы урегулирования конфликтов неразвиты или же не справляются с многообразными требованиями, режим ждет дестабилизация. Протестные движения, формирующиеся в таких условиях, зачастую соединяют в своей программе противоречивые требования (например, «традиционализм и экономический рост»), кроме того, они не ориентированы на легальный протест и не стремятся к роли системной оппозиции в рамках действующего режима, отчасти из-за неразвитости демократических институтов политического участия и их слабой легитимности.

Наконец, особенностью обществ, переживших «срыв модернизации», является то, что сохранившиеся в новых условиях социальные группы унаследовали от традиционного общества пассивное отношение к внешней социальной среде, патерналистские установки, отсутствие ответственности за социальное взаимодействие в более широком контексте. В этом смысле можно, вероятно, говорить о неразвитости гражданского общества. Многие режимы модернизирующихся государств подходят к этой проблеме с позиций формирования на-

ции, направляя значительные политические усилия на то, чтобы сформировать национальное самосознание в качестве основы общественного консенсуса и стабильности политической системы [Масловский, 2008, 39].

Придя к выводу о том, что «срыв модернизации» не означает отказа от модернизации, Эйзенштадт в своей более поздней работе «Революция и преобразование обществ» также писал о «множественности модерна», признавая наличие специфических моделей модернизации в различных обществах [Эйзенштадт, 1999, 14]. Развитие теории модернизации привело к пониманию того, что европоцентричные модели, обрекающие незападные общества на копирование опыта передовых стран в рамках «догоняющей модернизации», не вполне адекватны.

Социально-экономическая трансформация в Иране: опыт ускоренной вестернизации

Иранский опыт экономической модернизации весьма своеобразен. Этот процесс начался еще в первой половине XIX века и привел страну к целой череде политических потрясений. Катализатором модернизации стали процессы взаимодействия с более развитыми странами, такими как Россия и Великобритания. Их вмешательство во внутренние дела Ирана, продиктованное геополитическими интересами, поставило вопрос о сохранении независимости страны. Его решение не могло не включать серьезных социально-экономических преобразований, призванных создать для этой независимости прочную основу. Иран, поставленный в непростые условия догоняющей, «экстренной» модернизации, зачастую не имел времени ни для выработки собственного пути, ни для адаптации чужеродных образцов к собственным социокультурным реалиям.

Исследователи указывают на тот факт, что в персидском языке используется одно и то же слово для обозначения понятий «модернизация» и «модернизировать». Это обуславливает восприятие модернизации как внешнего воздействия. Что же касается понятия «реформа», то его персидский аналог означает не столько преобразование, как в европейских языках, сколько «улучшение» и «исправление» [Лукоянов, 1997, 125]. Таким образом, на лингвистическом

уровне в иранской культуре заложены основы специфического подхода к преобразованиям, который можно сравнить, пожалуй, с подходом, характерным для европейского классического консерватизма. Идеологи консерватизма на рубеже XVIII-XIX веков, разочарованные в идеях Просвещения, приведших, по их мнению, к пагубным и самонадеянным попыткам преобразования устоявшегося порядка на основе рационализированных представлений об общественном благе, настороженно относились к идеям реформирования [Берк, 1993, 144]. Проверенные веками институты, политические и социальные практики, с их точки зрения, должны были подлежать сохранению и лишь некоторому улучшению. Решительные изменения разрушают живую ткань общества и ведут его к хаосу и насилию. Императивом консерватизма являлось представление о том, что если необходимость изменений явственно не назрела, то не следует ничего менять.

Как и во многих странах догоняющей модернизации, движущей силой и основным проводником модернизации в Иране стала правящая элита. Скачкообразное развитие модернизационных процессов в Иране на протяжении последних двухсот лет во многом обусловлено именно тем, что в разные периоды его истории правящая элита не всегда была готова форсировать реформы. С 20-х годов XX века династия Пехлеви начинает решительные преобразования, которые были призваны осуществить прорыв в процессе модернизации. Признание прав личности, прежде всего – прав частной собственности, секуляризация, централизация власти, распространение светского образования, попытка построения национального государства, которая выразилась как в решительном подавлении сепаратизма, так и в ограничении иностранных экономических интересов в стране в период между двумя мировыми войнами, – таковы были направления преобразований.

В дальнейшем, после Второй мировой войны, они были углублены в период так называемой «белой революции», или «революции шаха и народа», начатой шахом Мохаммедом Резой Пехлеви в 60-70-е годы. Аграрная реформа и ускоренная индустриализация, предполагавшая активное заимствование новых технологий, вывели Иран на одно из первых мест по таким показателям, как среднегодовые темпы роста ВВП, которые в период 1967-1976 годов со-

ставляли 10%, а в обрабатывающей промышленности доходили до 12,8%. При этом национальный доход на душу населения, в 1962 году составлявший всего 172 долл., к 1972 году увеличился до 457 долл., а к 1977 – и до 2020 долл. [Мамедова, 1997, 118].

Реформы потребовали реорганизации политической системы, укрепления центральной власти. Тем более что в случае с Ираном движущей силой модернизационного процесса была достаточно узкая часть элиты, многие влиятельные элитные группы, такие как шиитское духовенство, были в проигрыше от последствий модернизации сверху. Это сделало их союзниками тех разнообразных и многочисленных слоев иранского общества, которые столкнулись со всеми тяготами ускоренной модернизации традиционного общества.

Недовольство росло достаточно стремительно, поскольку за успехами модернизации стояли определенные издержки, породившие социальную напряженность. Прежде всего, речь идет о сокращении мелких предприятий, служивших основным источником занятости. Оно происходит как в аграрной сфере, так и в сфере промышленного производства. В период 1972-1976 годов число мелких городских промышленных предприятий сократилось более чем на 40%, что стало серьезным дестабилизирующим фактором [Там же, 117]. Вытеснение мелкого и среднего предпринимательства растущими монополиями, зачастую связанными с иностранным капиталом, подогревало антизападные, изоляционистские настроения. А существенная регулирующая роль государства и обогащение связанной с шахом и его семьей относительно узкой элитной группы, происходящее на фоне проявления кризисных тенденций в экономике, сделали политику правящей элиты и ее саму объектом недовольства самых широких слоев.

Недовольство усугубляло и то, что «белая революция» воспринималась как трансформация, не вполне соответствующая национальным интересам Ирана. Здесь следует отметить роль влияния США, заинтересованных не только в политической стабильности в нефтедобывающей стране, но и в том, чтобы Иран наряду с Саудовской Аравией играл роль проводника американских интересов в районе Персидского залива. Это было особенно актуально в свете неуклонного ослабления британского влияния в регионе. США поддерживали военные

программы шахского режима и «новый курс» во внешней политике страны, преследуя одновременно экономические и геополитические интересы.

Модернизация в Иране начала давать сбои еще до того, как был достигнут тот уровень благосостояния, за которым, по утверждению С. Хантингтона, неизбежно возникает запрос на либерализацию режима (3000 долл.) [Хантингтон, 2003, 332]. Рост доходов был крайне неравномерным, а экономический рост сопровождался проявлениями коррупции, значительной инфляции, развитием «черного рынка». Стремительная урбанизация также порождала негативные эффекты, способствуя увеличению маргинализированных групп, достаточно болезненно переживавших разрыв с традиционным укладом жизни.

Модернизация, несмотря на некоторые впечатляющие результаты, не имела достаточной социальной базы. Хотя режим пытался расширить ее, привлекая широкие слои молодежи к способствующей преобразованиям деятельности через систему специализированных «корпусов» просвещения, здравоохранения, реконструкции и развития и др., работа в которых была построена по принципу службы по призыву.

Иранская модернизация в период «белой революции» во многом развивалась в соответствии со схемой, описанной С. Хантингтоном. Национальный подъем, обусловленный экономическим ростом, вызывал негативную, протестную реакцию и на значительное иностранное присутствие, и на стремительно растущее социальное расслоение. Поощряя развитие национального самосознания и национальной гордости, режим не мог предотвратить того, что эти настроения обратились против него и были успешно использованы оппозиционными силами, придавшими им более приемлемый для общественного сознания традиционалистский поворот. Официальная идеология преобразований шаха основывалась на признании ценностей национальной культуры, собственного пути развития в рамках великой исламской цивилизации. Тем не менее, предлагаемое сочетание ислама и форсированной модернизации на новой, национальной основе оказалось нежизнеспособным.

В этих условиях правящей элите Ирана не удалось сохранить социально-политическое равновесие. За централизацией последовало усиление репрессивной составляющей режима, а к социальным протестам, вызванным ломкой

устоявшихся социально-экономических моделей, прибавились протесты политические. Недовольство режимом зрело со всех сторон: как со стороны противников вестернизации, антимодернизационных, традиционалистских сил, так и со стороны тех сторонников модернизации, требования которых заключались в демократизации и либерализации действующего режима.

Социально-экономическая модернизация в Иране после Исламской революции: поиск третьего пути

После исламской революции процессы модернизации продолжились в ином ритме. Революция, по мнению ее идеологов, была призвана нейтрализовать эффекты вестернизации, с которой пропаганда связывала практически все негативные явления в экономике и управлении: от инфляции и безработицы до коррупции. Первые годы существования Исламской республики Иран были отмечены попыткой реализации экономической модели, соответствующей шариату. Это так называемая «тоухидная экономика», описанная в работах первого президента республики Аболхасана Банисадра [Беккин, Тоухидная экономика..., 2012]. До этого исламская экономическая модель была скорее теоретической концепцией, разрабатываемой такими исламскими интеллектуалами, как Мухаммад Бакира ас-Садр (его работа «Наша экономика» 1961 года). Для этого направления было характерно понимание экономики не как средства удовлетворения потребностей человека и общества, а как одного из механизмов реализации религиозной морали. В идеальном обществе собственность на средства производства должна быть ограничена трудовыми возможностями человека. Концепция предполагала, что собственность, не основанная на личном труде, должна принадлежать государству. Подобное состояние общества, по мнению Банисадра, может быть достигнуто в будущем, примерно через 12 поколений. Другие черты идеального исламского общества, такие как отсутствие границ и высокое благосостояние для всех, подчеркивают утопичность подхода, который вряд ли мог быть с успехом применен. Попытки реализации концепции тоухидной экономики, основанной на автаркии, не увенчались успехом, и этот термин исчез из иранского политического языка.

Отказ от форсированной модернизации в условиях перестройки системы управления, вывода иностранного капитала и отказа от активных внешних связей на фоне ожесточенной борьбы с внутренней оппозицией и войны с Ираком привел к тому, что темпы роста экономики существенно замедлились. Особенно это проявилось в сравнении с теми странами, которые не отказывались от заимствования западных моделей развития и от участия западного капитала (например, в сравнении с Тайванем и Сингапуром). Падение темпов роста и падение промышленного производства не могло не сказаться и на уровне жизни. Параллельно зависимость экономики от экспорта нефти усиливалась. Таким образом, отказ от модернизации по западному образцу и поиск «третьего пути» Ираном после исламской революции не привел, да и не мог привести к полной независимости. Напротив, экспортно-сырьевая ориентация экономики и конфронтация с западным миром и Израилем сделали Иран крайне уязвимым, зависимым как от мировой конъюнктуры нефтяных цен, так и от возможных санкций.

Третий путь, избранный Ираном, не означал все же полного отказа от модернизации. Его творцы предполагали, что национализация нефтяной промышленности, уход западных корпораций и демополизация рынка освободят пространство для развития различных форм национального бизнеса. Был предпринят ряд важных шагов по выравниванию уровня развития инфраструктуры в различных районах: строились дороги, аэропорты, проводилась масштабная газификация и электрификация сельских поселений, развивалась сеть связи. Проводилась значительная работа по развитию человеческого потенциала: уровень грамотности за первое десятилетие после исламской революции повысился с 49 до 74% в среднем по стране, а в городах – с 67 до 82%. Но эти успехи, хотя и ликвидировали некоторые недостатки и перекосы периода форсированной модернизации по западному образцу, все же были относительны. И если в 70-е годы Иран был полигоном развития передовых технологий, то исключение иранской экономики из мировой производственной системы обернулось технологическим отставанием. Темпы роста экономики замедлились, ВВП падал, особенно на фоне роста численности населения (в 3-4 раза).

Политический режим Ирана после революции 1979 года часто называют теократическим, основанным на исламском фундаментализме. Такое определение выглядит чрезмерно упрощенным. Хотя политическая элита ИРИ может быть определена как «религиозно-политическая бюрократия», она никогда не была внутренне единой. В среде политической элиты существовали различные подходы к проблеме модернизации страны. При этом «модернистски» ориентированная часть элиты не стремилась отказываться от традиционных устоев, а «традиционалистская» часть – от необходимости преобразований, в том числе и от тех, которые предполагали использование достижений западной цивилизации. Имам Хомейни сам неоднократно подчеркивал, что, являясь убежденным противником проникновения чуждых исламской культуре западных идей, ни в коем случае не выступает против использования достижений науки и технологии.

Понимая глубину экономических проблем, руководство ИРИ в период президентства Рафсанджани (1989-1997 годы) приступает к реформам, призванным подтолкнуть модернизационные процессы в новых условиях. Реформы проводились под лозунгами преодоления отставания Ирана. И следует отметить, что они были достаточно успешными – так, в период реализации первого пятилетнего плана (1989-1994 годы) темпы роста иранской экономики составляли 8% в год. Попытки принять план социально-экономического развития в предшествующий период наталкивались на сопротивление части политических элит. И показательно, что он был утвержден уже после смерти аятоллы Хомейни. Как и в других странах, набор предпринятых мер предполагал уменьшение доли госсектора через приватизацию, либерализацию торговли, либерализацию регулирования в области ценообразования, некоторые послабления для иностранного капитала. Иран предпринял попытку реструктуризации своего экспорта в пользу обрабатывающих производств (например, производства удобрений). Была предпринята попытка развития свободных экономических зон. И, как и в других государствах, политическая система которых построена на идеологии собственного, самобытного пути, целью экономических преобразований провозглашалось обеспечение гражданам достойного уровня жизни.

Либерализация экономики сопровождалась инициативами по развитию социальной и экономической инфраструктуры. Особенно активно инициативы в развитии социальной сферы реализовывались в период действия второго пятилетнего плана. Во многом это было обусловлено стремлением смягчить негативные последствия либерализации цен, произведенной в предшествующий период. Руководство ИРИ, придерживаясь основополагающей «линии Хомейни» на защиту малоимущих слоев и помня о негативном опыте шахского режима, уделяло этому аспекту модернизации особое внимание. В Иране была создана система социального обеспечения, основанная на специальных фондах, государственных субсидиях и деятельности мечетей, выполняющих роль центров локальной социальной поддержки граждан.

В итоге реформ 90-х годов сложилась достаточно специфичная модель экономического развития Ирана, основанная на преобладании государственного сектора и на широких возможностях государственного регулирования. Выбор такого пути был обусловлен стремлением к сдерживанию западного влияния на национальную культуру. Приоритет исламских воззрений и традиций закреплён в качестве институциональных основ государства в конституции.

Тем не менее модернизация затронула и культурную сферу. А в период президентства Мохаммада Хатами (1997-2005 годы) было провозглашено начало проведения политики терпимого отношения к культуре и установления более тесных связей со странами Запада. Призывая к диалогу цивилизаций, Хатами осуждал идеи превосходства и исключительности какой-либо из них, в том числе и исламской. Его деятельность на посту министра культуры, а затем на президентском посту была отмечена такими инициативами, как ослабление цензуры, разрешение на импорт западной прессы, включение женщины (Масуме Эбтекар) в состав кабинета министров.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что при формальном закреплении теократии в Иране после исламской революции процессы модернизации продолжились. Их результаты позволяют говорить о правомерности выделения особого

типа модернизации с опорой на устоявшиеся религиозные и культурные традиции. При этом специфика иранского пути состоит отнюдь не в выработке и применении каких-то новых экономических принципов. Планы социально-экономического развития, позволившие повысить темпы роста ВВП и поднять уровень жизни граждан, формулировались таким образом, что ислам не «определяет задачи плана, стратегию и тактику его реализации, его общие и конкретные цели. Наоборот. Он присутствует в нем в тех пределах, которые не препятствуют стратегии и тактике плана, нацеленных на преодоление экономической и социальной отсталости, и подчинен этому движению» [Арабаджян, 1997, 146]. «Исламская экономика», по мнению исследователей, является скорее идеологическим прикрытием. На практике же «при существующей системе мирохозяйственных связей реализация принципов исламской экономики в полном объеме затруднительна, или, если быть точнее, невозможна» [Беккин, Исламская экономика..., 2012, 108]. В этой связи представляется правомерным понимание особенностей иранской модернизации Никосом Музелисом, видевшем ее специфику именно в опоре на традиционные культурные ценности, в сохранении самобытности культурной подсистемы общества.

Библиография

1. Арабаджян З. Планы экономического и социального развития ИРИ в 1982-1994 гг. // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. С. 140-154.
2. Беккин Р.И. Исламская экономика: универсальная теория развития или одна из моделей третьего пути? // Восток (Oriens). 2012. № 5. С. 99-112.
3. Беккин Р.И. Тоухидная экономика как разновидность исламской экономической модели // Проблемы современной экономики. 2012. № 2 (42). С. 448-450.
4. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. 144 с.

5. Лукоянов А.К. Иран: модернизация после шаха? // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. С. 125-139.
6. Мамедова. Н.М. Проблемы модернизации и либерализации экономической системы Ирана. // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. С. 114-124.
7. Масловский М.В. Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 31-44.
8. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 368 с.
9. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: АспектПресс, 1999. 416 с.
10. Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74). С. 14-17.

The transformation of the Iranian political system in the context of S. Eisenstadt's modernization theory

Vasilii V. Mogilev

Postgraduate,

Department of international relations and world politics,

Faculty of international relations,

Voronezh State University,

394016, 88 Moskovsky avenue, Voronezh, Russian Federation;

e-mail: vvm1989@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to research into the transformation process of the socio-economic system of Iran that took place in the second half of the 20th century.

Vasilii V. Mogilev

To understand this process, the author refers to the concept of varied forms of modernization, which has spread in the political modernization discourse since the late 1990s. The evolution of the modernization theory has led to the realization that Eurocentric model dooming non-Western societies to copy the experience of advanced countries in the framework of the "catch-up modernization" is not quite adequate. Using the concept of S. Eisenstadt as a methodological basis of the study, the author analyzes the processes of modernization of Iran's socio-economic system in the 20th century, focusing mainly on the period from the end of World War II to the end of the 20th century. The author concludes that, despite the failure of rapid modernization based on the Western model in the 1960-70s under the Shah Pahlavi, which led to the 1979s Islamic revolution and the consolidation of the theocracy in Iran, the modernization process has continued and its result allows to distinguish a special type of modernization, based on the established religious and cultural traditions.

For citation

Mogilev V.V. (2015) Transformatsiya iranskoi politicheskoi sistemy v kontekste teorii modernizatsii Sh. Eizenshtadta [The transformation of the Iranian political system in the context of S. Eisenstadt's modernization theory]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6, pp. 27-42.

Keywords

Iran, socio-economic modernization, social transformation, modernization theory, concept of modernization, Eisenstadt, Huntington, Muzelis.

References

1. Arabadzhyan Z. (1997) Plany ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya IRI v 1982-1994 gg. [Plans for economic and social development of the Islamic Republic of Iran in 1982-1994]. In: *Osobennosti modernizatsii na musul'manskom Vostoke. Opyt Turtsii, Irana, Afganistana, Pakistana* [Specifics of the modernization in the Muslim East. The experience of Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, pp. 140-154.

2. Bekkin R.I. (2012) Islamskaya ekonomika: universal'naya teoriya razvitiya ili odna iz modelei tret'ego puti? [Islamic economy: the universal theory of development or one of the third way models?]. *Vostok (Oriens) [The East]*, 5, pp. 99-112.
3. Bekkin R.I. (2012) Toukhidnaya ekonomika kak raznovidnost' islamskoi ekonomicheskoi modeli [Tawhid economy as a kind of the Islamic economic model]. *Problemy sovremennoi ekonomiki [Problems of modern economics]*, 2 (42), pp. 448-450.
4. Burke E. (1790) *Reflections on the revolution in France*. (Russ. ed.: Berk E. (1993) *Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii i zasedaniyakh nekotorykh obshchestv v Londone, otnosyashchikhsya k etomu sobytiyu*. Moscow: Rudomino Publ.)
5. Eisenstadt S.N. (1978) *Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations*. Free Pr. (Russ. ed.: Eizenshtadt Sh. (1999) *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv: sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii*. Moscow: Aspekt Press Publ.)
6. Eisenstadt S.N. (1973) *Tradition, change and modernity*. New York: John Wiley & Sons. (Russ. ed.: Eizenshtadt Sh. (2010) *Sryvy modernizatsii. Neprikosnovennyi zapas [Emergency reserve]*, 6 (74), p. 14-17.)
7. Huntington S (1991) *The third wave: democratization in the late 20th century*. University of Oklahoma Press. (Russ. ed.: Khantington S. (2003) *Tret'ya volna. Demokrati-zatsiya v kontse XX veka*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.)
8. Lukoyanov A.K. (1997) Iran: modernizatsiya posle shakha? [Iran: modernization after the Shah?]. In: *Osobennosti modernizatsii na musul'manskom Vostoke. Opyt Turtsii, Irana, Afganistana, Pakistana* [Specifics of the modernization in the Muslim East. The experience of Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, pp. 125-139.
9. Mamedova N.M. (1997) Problemy modernizatsii i liberalizatsii ekonomicheskoi sistemy Irana [Problems of modernization and liberalization of the economic system of Iran]. In: *Osobennosti modernizatsii na musul'manskom Vostoke. Opyt Turtsii, Irana, Afganistana, Pakistana* [Specifics of the modernization in the Muslim East. The experience of Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, pp. 114-124.
10. Maslovskii M.V. (2008) Sovremennye teorii moderna i modernizatsii [Modern theories of modernity and modernization]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological journal]*, 2, p. 31-44.